

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА: ТЕКСТ И ДИСКУРСИВНЫЙ КОНТЕКСТ**

Рассматривается специфика формирования смыслов слова в художественном тексте. Основная мысль: в художественной речи каждая номинативная единица языка реализует свои импликациональные связи, актуализируя в этноязыковом сознании дискурсивные, когнитивные, ситуационные и другие ассоциации. Авторская концепция ориентирована на исследование формирования смыслов языковых знаков с учетом их основных отношений: синтактики (дискурсивного контекста), семантики (оценочности языковой единицы и ее образности), прагматики (творческой задачи автора и реализации ее в авторских метафорических моделях). Каждый аспект обладает особым предметом исследования.

Ключевые слова: смысл слова, текст, дискурсивный контекст, речемыслительная деятельность, метафорическая модель.

Каждое слово в художественном тексте раскрывает богатые возможности своих потенциальных многомерных связей. Эти связи могут иметь характер дискурсивных, когнитивных, понятийных, ситуационных и даже звуковых ассоциаций [1, с. 16]. В норме в системе языка одни связи, образные, как наименее существенные вытесняются, а другие, смысловые, закрепляются и становятся доминантными. В художественном тексте, наоборот, смысловые взаимосвязи вытесняются ассоциативно-образными.

Изучение подобных ассоциативно-образных текстовых взаимосвязей невозможно без учета когнитивно-дискурсивных обстоятельств, в частности без учета особенностей изображаемого автором фрагмента картины мира. В нашей работе речь идет о познании мира «особенным человеком», описанным в повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант». Специфика формирования картины мира слепого героя повести заключается в *преодолении тьмы* и определяется не столько отсутствием зрительных впечатлений при знакомстве с миром внешним (темнота мира), сколько неполнотой ощущений при развитии полноценной духовной жизни [2, с. 54]. Именно это преодоление душевной тьмы является условием перерождения героя из «особенного человека» — в Человека-Творца. В описании этого процесса важную роль играет художественное слово, которое «включается» в выполнение задачи изображения «особенного человека» в динамике его развития.

По замыслу автора, неоспоримым преимуществом героя повести становится его исключительный музыкальный слух, позволяющий воспринимать мир в звуках. Звуки чрезвычайно важны для героя, ведь каждый из них — это ключ к еще неизведанному миру, погруженному во тьму. Важно отметить, что звук для слепого мальчика — явление

* © Чумак-Жунь И.И., Щербак Ж.А., 2016

Чумак-Жунь Ирина Ивановна (chumak@bsu.edu.ru), кафедра филологии, Белгородский университет, 308000, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Щербак Жанна Анатольевна (j.scherbak@yandex.ru), Краснояружская СОШ № 2, 309420, Российская Федерация, Белгородская обл., п. Красная Яруга, ул. Мира, 1.

** *Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ на 2016 г. (код проекта № 241).*

не столько физическое, сколько психологическое, преломляющееся в его сознании и вступающее в процесс сложной речемыслительной деятельности. Именно поэтому одной из доминантных тематических групп в повести является лексическая группа «Музыка», а в качестве полноценных действующих лиц, оказывающих серьезное влияние на формирование внутреннего мира героя, выступают музыкальные инструменты — хохлацкая дудка, фортепиано и колокол. Основой метафорического восприятия образов дудки и пианино становится знание о звуках живой и неживой природы: ребенок переносит на музыкальные инструменты те эмоции, которые связаны у него со звучанием человеческого голоса, с образами живых существ, ставших источниками для детской фантазии.

Одним из центральных знаков возрождения Петра является *колокол* — этот символический образ влияет не только на формирование картины мира, но и на духовное перерождение героя. Рассмотрим те смысловые трансформации, которые претерпело слово *колокол* в тексте «Слепого музыканта» под влиянием дискурсивного контекста.

Смысловые приращения единицы *заданы внешнедискурсивными факторами*, среди которых:

1) *эмотивное своеобразие восприятия звучания колокола*. Являясь национально-нравственным символом, колокол одновременно и символ личный — колокольный звон обладает таинственной силой, которая проникает глубоко в сердце. По мнению представителей церкви, душа каждого человека отражается в звуке колокола. В художественном творчестве неоднократно описывались душевные переживания личности, связанные с колокольным звоном. В описаниях представлены самые разнообразные эмоции, которые вызывает этот чудесный звук в различных ситуациях. Если в описании *праздничного благовеста* в повести И.А. Куприна «Мой паспорт» доминирует лексика со значением ‘счастливый, радостный’ («Колокольная. *Какая веселая, пьянящая, головокружительная пестрота внизу, под моими ногами. <...> О, верх мальчишеского счастья — наконец-то в моих руках веревка от самого главного, самого большого колокола*») [3, с. 730], то на героя рассказа В.М. Гаршина «Ночь» Алексея Петровича, разочаровавшегося в жизни и ожиданиях, в людях и в самом себе, приготовившегося покончить счеты с жизнью, звук колокола *производит отрезвляющее, спасительное действие*: «Колокол! — сказал Алексей Петрович, удивившись, и, положив револьвер снова на стол, сел в кресло. — Колокол! — повторил он. — Зачем колокол? *Благовестят, что-ли? На молитву... Церковь... Духота... Восковые свечи... <...> волны звука ворвались в открытое окно и дошли до Алексея Петровича. Они говорили чуждым ему языком, но говорили что-то большое, важное и торжественное*» [4, с. 99]. Колокол как символ трагедии нередко представлен в западной литературе, в частности, фантазмагорический образ колокольный предстает в стихотворении Э. По: *Факел траурный горит, с колокольни кто-то крикнул, кто-то громко говорит, кто-то черный там стоит, и хохочет и гремит...*[5, с. 521];

2) *лингвокультурологическая сложность и неоднозначность* объекта. В образе колокола интегрируется мифологическая, общекультурная и национальная символика. Колокол — церковный атрибут, божественный глас, возвещающий истину, — на протяжении многих веков сопровождал своим звоном жизнь народа, выступая в двойной ипостаси — как знак беды и знак радости: колокола оповещали о грозящем стихийном бедствии и приближении врага, созывали мужчин для борьбы с неприятелем и встречали торжественным звоном победителей. Звон колокола неразрывно связан с духом русского народа.

Эта неоднозначность образа легла в основу сложного «композиционного разрешения» символа в повести Короленко. Двойственность символа (знак радости и беды) дала возможность выразить основной смысл использования этого знака — это *необходимость сознательного выбора между тьмой и светом*. Колокол — это своеобразный камень на распутье для главного героя — некий *указатель двух возможных судеб* в лице двух слепых звонарей — Егория и Романа. Эти образы соотносятся как тьма и свет — мрачная стихия отчаянья и светлая человеческая душа.

Егорий родился слепым, и эта душевная драма сломала и ожесточила его — он озлоблен и замкнут, сердит на весь мир. Это подтверждают и его внешний вид, и речь. В его описании доминируют эмотивные маркеры 'злость', 'отчаянье', 'страдание', 'болезнь': «Звонарь сердито кинулся к двери и неистово застучал кулаками по железной обшивке. — Пошли, пошли, проклятые... *Чтоб вас громом убило!* — кричал он, хрипя и как-то захлебываясь от злости...» [6, с. 90]; «...с искаженным от злобы лицом совал наудачу сжатыми кулаками, стараясь попасть в кого-нибудь из бежавших» [6, с. 94]. Это глубоко несчастный человек: «“Ох, господи! Господи ты, боже мой! Вскую мя оставил еси...” — сказал он вдруг совершенно другим голосом, в котором слышалось *отчаяние истрадавшегося и глубоко измученного человека*» [6, с. 90]; «Теперь его лицо осветилось детской радостью, в которой, однако, было *что-то жалкое и больное*» [6, с. 91].

Другой звонарь — Роман, ослепший семи лет, — антагонист Егория. Не случайно при его описании активно используются лексемы, мотивированные существительным *душа*: «Лицо его было широко, изрыто оспой и *чрезвычайно добродушно*. Закрытые веки скрывали впадины глаз, на губах играла *добродушная улыбка*» [6, с. 94]. «— Нехай соби, — *благодушно* ответил Роман. — *Пташки божии*» [6, с. 94–95].

Как любая художественная метафора, в данном случае метафора колокола предстает как способ выражения индивидуального видения действительности и создания художественного мира [7–9]. В «Слепом музыканте» образ колокола представлен как зеркало души героя, в которой, по замыслу писателя, происходит борьба за «прозрение», как перст судьбы, как набат, вздыхающий в предчувствии беды (*глубокие вздохи меди*). Лексемы *протяжный, глубокий, невнятный* характеризуют звон колокола как предвестника будущего, возможного несчастья. Об этом же говорит физическая и душевная схожесть Петра и морально изуродованного своим темным бременем Егория: «Трудно было не заметить в лице послушника *странного сходства с Петром. Та же нервная бледность, те же чистые, но неподвижные зрачки, то же беспокойное движение бровей*, настораживавшихся при каждом новом звуке и бегавших над глазами, точно щупальца у испуганного насекомого...» [6, с. 89].

Наши наблюдения иллюстрируют тонкое замечание Н.А. Илюхиной о том, что образ, даже не являющийся частотным и универсальным, может выступать мерилем самых разных свойств [10, с. 290]. Колокол в повести описан и как *инструмент, воздействующий на душу героя*. Петр слышит колокол не раз, он и звучит для героя по-разному, но идентичная семантическая модель описания (*звук — впечатление — образ*) позволяет увидеть эволюцию душевного развития героя.

В первом описании *звук (размеренный звон монастырского колокола) производит впечатление* неопределенного, слабого, неясного и создает *образ* такой же неопределенной и неясной *дали*: «Из более отдаленных звуков *господствующим* был *размеренный звон монастырского колокола, высокий и тонкий*. По звуку ли этого колокола, по тому ли, как тянул ветер, или еще по каким-то, может быть, и ему самому *неизвестным* признакам *Петр чувствовал*, что где-то в той стороне, за монастырем, местность внезапно обрывается, быть может, над берегом речки, за которой далеко раскинулась равнина с *неопределенными, трудно уловимыми звуками* тихой жизни. Звуки эти долетали до него *отрывочно и слабо*, давая ему слуховое ощущение дали, в которой мелькает *что-то затянутое, неясное*, как для нас мелькают очертания далей в вечернем тумане...» [6, с. 84].

Во втором описании *звук колокола (протяжные отголоски) создает впечатление отдаленной невнятной музыки*. *Образ*, возникающий в сознании героя, меняется — это *тихое спокойствие и глубокий мир*: «Высокий ветер, чистый и свободный от испарений земли, тянулся в пролеты, шевеля веревки, и, заходя в самые колокола, вызывал по временам *протяжные отголоски*. Они тихо шумели *глубоким металлическим шумом*, за которым ухо ловило *что-то еще, точно отдаленную невнятную музыку или глубокие вздохи меди*. От всей расстилавшейся внизу картины веяло *тихим спокойствием и глубоким миром*» [6, с. 92].

В тех фрагментах, где колокол выступает как *отражение душевного состояния героя*, возникающий образ связан с сильной эмоцией, чувством. Реализуется этот смысл в тексте в двух описаниях впечатления от звучания колокола в фортепианном исполнении слепого.

В первом случае звук колокола — знак душевной тревоги, трагедии героя — воспринимается как *общая печать темной стихии, имеющая таинственную власть*: «За фортепиано, в минуты наибольшей непосредственности, в его игру часто вплетался теперь мелкий перезвон колоколов и протяжные вздохи меди на высокой колокольне... И то, о чем никто не решался заговорить, ясно вставало у всех в воображении: мрачные переходы, тонкая фигура звонаря с чахоточным румянцем, его злые окрики и желчный ропот на судьбу... А затем оба слепца в одинаковых позах на вышке, с одинаковым выражением лиц, с одинаковыми движениями чутких бровей... То, что близкие до сих пор считали личной особенностью Петра, теперь являлось общей печатью темной стихии, простиравшей свою таинственную власть одинаково на своих жертв» [6, с. 95–96].

Во втором описании мелодия колокольного набата — ликующий клич. Сложность и красота колокольного узора, эпитет *яркие* свидетельствует о победе света над тьмой в душе Петра: «Он ударил своею умелою рукой по клавишам, подражая *праздничному колокольному трезвону*. Иллюзия была полная. Аккорд из нескольких невысоких тонов составлял как бы *фон поглубже*, а на нем выделялись, прыгая и колеблясь, *высшие ноты*, более подвижные и яркие. В общем это был именно тот *высокий и возбужденно-радостный гул*, который заполняет собою праздничный воздух» [11, с. 104].

Таким образом, смыслы слова *колокол* в дискурсивной среде художественного текста формируются под влиянием нескольких факторов — дискурсивного лингвокультурного контекста, ценностной составляющей, художественной образности, наконец, творческой задачи автора и реализации ее в авторских метафорических моделях.

Восприятие звучания колокола героем меняется: из предвестника несчастий он превращается в глашатая всеобъемлющей радости, процесс метафорической трансформации образа свидетельствует о серьезной аналитической деятельности «темного» сознания мальчика. Лексема *колокол* выступает в данном произведении как имя концепта, который имеет множество индивидуально-авторских метафорических смыслов: *колокол — выбор, колокол — путь, колокол — душа*. Реализована художественная задача автора — колокольный звон представлен как один из образов, который ведет к духовному прозрению, к победе над врожденным несчастьем героя.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. М.: Флинта: Наука, 2009. 275 с.
2. Чумак-Жунь И.И., Шербак Ж.А. Специфика метафорического постижения мира «особенным человеком» (на материале повести В.Г. Короленко «Слепой музыкант») // Русский язык в школе. 2016. № 6. С. 59–63.
3. Куприн А.И. Полное собрание рассказов в одном томе. М.: Альфа-книга, 2013. 1280 с.
4. Гаршин В.М. Сочинения. М.: Азбука-Аттикус, СПб: Азбука, 2013. 1376 с.
5. Эдгар По. Полное собрание сочинений. Харьков: Фолио, 1995. 448 с.
6. Короленко В.Г. Слепой музыкант. М.: Сов. Россия, 1991. 256 с.
7. Кожевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 153 с.
8. Иванова Н.Н. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX века). М.: Астрель, 2004. 666 с.
9. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 320 с.
10. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiia [Cultural linguistics]. M.: Flinta: Nauka, 2009. 275 p. [in Russian].
2. Chumak-Zhun' I.I., Shcherbak Zh.A. Spetsifika metaforicheskogo postizheniia mira «osobennym chelovekom» (na materiale povesti V.G. Korolenko «Slepoi muzykant») [The specifics of the world cognition by a blind man] // Russkii iazyk v shkole [Russian language at school]. 2016. № 6, pp. 59-63 [in Russian].
3. Kuprin A.I. Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome [Works by Aleksandr Kuprin in one volume]. M.: Al'fa-kniga, 2013. 1280 p [in Russian].
4. Garshin V.M. Sochineniia [Works by Garshin V.M.] Azbuka-Attikus; SPb: Azbuka, 2013. 1376 p. [in Russian]
5. Edgar Po. Polnoe sobranie sochinenii [Works by Edgar Po]. Khar'kov: Folio, 1995. 448 p. [in Russian]
6. Korolenko, V.G. Slepoi muzykant [The Blind Musician]. M.: Sov. Rossiia, 1991. 256 p. [in Russian]
7. Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po iazyku khudozhestvennoi literatury [Selected works on the language of fictional literature]. M.: Znak, 2009. 153 p. [in Russian]
8. Ivanova N. N. Slovar' iazyka poezii (obraznyi arsenal russkoi liriki kontsa XVIII – nachala XX veka) [Dictionary of poetic language (Russian arsenal shaped lyricism late 18th – early 20th century)]. M.: Astrel', 2004. 666 p. [in Russian]
9. Kondrashova O.V. Semantika poeticheskogo slova (funktsional'no-tipologicheskii aspekt): dis.... dokt. fil nauk [The semantics of the poetic word (functional-typological aspect)]. Krasnodar, 1998. 320 p. [in Russian]
10. Iliukhina N.A. Metaforicheskii obraz v semasiologicheskoi interpretatsii [Metaphorical image in semasiological interpretation]. M.: Flinta: Nauka, 2010. 320 p. [in Russian]

*I.I. Chumak-Zhun', Zh.A. Shcherbak**

PICTURESQUE WORD'S SENSE-GENERATION: TEXT AND THE DISCURSIVE CONTEXT**

The article considers pragmatic and ethnocultural connotations of signs of indirect nomination. The main idea of the article is that fictional discourse allows each nominal unit to realize its implicational relations and actualize discursive, cognitive, situational and sound associations in ethnolinguistic mentality. The author's conception is focused on researching how are the senses of the linguistic signs generating, taking into account their basic relationships: syntactics (discoursal context), semantics (the evaluativity and the picturesque of the linguistic unit), pragmatics (author's creative task and the way it becomes actualized in author's metaphorical patterns). Each aspect possesses a particular subject of research.

Key words: sense of the word, text, discoursal context, verbal and cogitative activity, metaphorical pattern.

Статья поступила в редакцию 11/VI/2016.
The article received 11/VI/2016.

* *Chumak-Zhun' Irina Ivanovna* (chumak@bsu.edu.ru), doctor of philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, Pobeda st. 85.
Shcherbak Zh. A. (j.scherbak@yandex.ru), high school № 2, Krasnaia Iaruga, 309420, Russia, Krasnaia Iaruga, Mira st., 1.

** *The study was performed as part of the State job NII BelSU in 2016 (project code number 241).*